

Часть 1

АПРЕЛЬ И МАЙ

ГЛАВА 1

Свидание сегодня вечером оказалось настоящей катастрофой, из-за таких свиданий люди навсегда отказываются от поисков любви. Для начала я прикинула, какого он роста, по фотографиям в Тиндере; вышло примерно метр восемьдесят, сантиметров на десять выше меня. Однако, когда я пришла в бар «Золотые годы», выяснилось, что он где-то метр шестьдесят пять. Когда я заказала виски, он стал надо мной прикалываться, дескать, я из тех девушек, которые заказывают виски, чтобы произвести на мужчину впечатление. (Было обидно, потому что он наполовину прав; именно из-за этого я начала пить виски, пока не полюбила его сама.) За напитками он устроил мне опрос: была ли я в том ресторане? а в этом музее? а в том новом клубе, который только что открылся в центре? Мой план извиниться и уйти рухнул, когда он заказал бармену еще по одной. Оказалось, что алкоголь он переносит гораздо хуже, чем я, и, когда наши бокалы снова опустели, он соскользнул с барной табуретки и поплелся к двери.

Ханна Оренстейн

— Элайза, расплатишься? — бросил он через плечо. — Все феминистки вечно твердят, что им только этого и нужно!

И теперь, оставшись в баре одна, я тарашусь в счет: шестьдесят долларов плюс чаевые — за вот это офигенное свидание. Я встречаюсь глазами с барменом, лохматым темноволосым парнем в сером худи с закатанными рукавами. Облокачиваюсь на стойку.

— Это как вообще? — бормочу я, качая головой. Игриво улыбаюсь бармену и скрещиваю руки под грудью, чтобы он получше рассмотрел ложбинку. — Привет, кстати, я Элайза.

Бармен поднимает взгляд от бокала, который протирает полотенцем.

— Радж. Привет. Сочувствую по поводу свидания, — отвечает он. На мгновение в его темных глазах появляется проблеск сочувствия. Потом он пожимает плечами. — В другой раз повезет, — говорит он и возвращается к работе.

Итак, я попала со счетом. Я подталкиваю по стойке кредитку. Дожидаясь, пока бармен ее прокатает, я вытаскиваю из сумочки телефон и начинаю убирать с домашнего экрана стройные ряды приложений для знакомства. Хватит, наигрались. Мышечная память заставляет меня проверить телефон: я просматриваю рабочую почту, личную почту и Инстаграм. Как раз пролистываю ленту, когда у меня обрывается сердце.

Холден обручился. Холден — и обручился? Холден, мой бывший, с которым мы то сходились, то расходились, которого вообще-то зовут Хейден, но он представ-

Любовь с первого лайка

ляется как герой Сэлинджера, потому что считает, что так круче. Холден, который говорил, что моногамия противостественна и что ему всегда будет нужна свобода, чтобы собраться и переехать на Борнео или в Мехико, или куда ему там приспичит. Холден, чувак, набивший себе татуху с Берни Сандерсом и забывший зарегистрироваться для голосования. Повторяю, ХОЛДЕН обручился.

Вот она, в самом начале моей ленты, фоточка, на которой он стоит на одном колене перед своей девушкой, Фей, которая выглядит так, словно всю себя собрала по каталогу Free People. С одного ее плеча нарочито небрежно соскальзывает платье в пол с бахромой, руку она прижимает ко рту, изображая удивление.

«Сегодня две души слились в одну», — написал Холден под фотографией на полном серьезе.

Я перехожу в профиль Фей, она вывесила не только эту фотку, но еще и кольцо с бриллиантом, крупный план на фоне густой зелени. Подпись: «Сегодня пошли в поход с любовью моей жизни... и я сказала ДА!!!» В геотеге стоит Аппалачская Тропа, написанная с ошибкой.

Я расписываюсь в счете и сваливаю из бара. Живу я прямо напротив. Идти всего ничего — вот только внезапно полило как из ведра. Я перехожу на трусцу, в туфлях у меня хлюпает вода. Сумочка колотит по боку.

Однажды мы с Холденом попали в такой ливень. Мы были в Нэшвилле, поехали на нашу первуюгодовщину (если не считать трех месяцев разрыва как раз посередине), и вдруг небеса разверзлись. Забились под крошечный навесик, пока Холден читал в Yelp отзывы на ближайшие рестораны. Я его умоляла выбрать ресторан, любой.

Ханна Оренстейн

— Элайза, — медленно произнес он. — Я не могу есть где попало. Я же шеф, понимаешь?

Не был он шефом. Он летом работал поваром во второсортном гриле на Лонг-Айленде и искал постоянную работу в каком-нибудь ресторане в Бруклине. Туфли у меня так и не высохли до конца поездки.

Твою мать, Холден. Обручился. У меня есть друзья, которые в свои двадцать семь все еще впадают в шок, когда кто-то объявляет, что женится, но я не такая. Я признаю, что двадцать семь — вполне разумный возраст, чтобы Холден сделал Фей предложение. И — ну ладно, может, он изменился. Мы не то чтобы много общались с тех пор, как четыре года назад окончательно, со скандалом, расстались. И я в этом понимаю больше многих, я помолвками на хлеб зарабатываю. С тех пор, как мы с моей сестрой Софи открыли в прошлом году «Украшения Бруклина», бриллианты стали моей жизнью. Наверное, я всегда думала, что из нас двоих с Холденом я первая найду пару. Я плохо умею проигрывать; не привыкла. А его помолвка означает, что я официально потерпела поражение после нашего разрыва.

Добираюсь до входной двери, и вот я дома. Живу я на третьем этаже без лифта, над магазином. Нашариваю в сумочке ключи и вставляю ключ в замок. И, еще не войдя в квартиру, понимаю, что остаться тут не захочу. Судя по звуку, сосед устроил у себя самый многолюдный фестиваль электронной танцевальной музыки. Я чувствую, как у меня в груди отдаются басы. Стены у нас такие тонкие, что мне для дома нужны шумоподавляющие наушники.

Любовь с первого лайка

Я бросаю промокшую сумочку на пол в спальне, скиваю мокрую одежду и надеваю самые старые треники. Потом беру телефон, захожу в кухню за бутылкой «Джек Дэниэлс» и самым чистым стаканом в шкафу — и иду вниз, в тихий магазин.

Пусть у Холдена и Фей есть бриллиантовое кольцо, а у меня их полная лавка. Магазин небольшой, но витрина у нас в одном из самых популярных районов города, и шикарные покупатели шляются стадами. И он наш. Мы с Софи открылись в прошлом году, а до того год готовились; я веду дела, а Софи занимается дизайном украшений. Завести свое дело казалось таким естественным, ведь мы выросли у мамы с папой под ногами в их магазине, самом большом лодочном магазине Портленда, штат Мэн. Когда мы были маленькими, нам нравилось после школы болтаться в ювелирном магазине рядом с родительским. Его хозяйка, Хелен, была мне кем-то вроде все позволявшей, эксцентричной тетушки, о которой я всегда мечтала. Она позволяла мне примерять все блестящие штучки в магазине, рассказывала про два своих неудавшихся брака и романтические приключения в далеких странах. Потом я подросла и начала задавать вопросы посерьезнее, про украшения: про историю каждой вещи, которую она приобретала, про то, как работала с клиентами, чтобы создать исключительное произведение искусства, и про то, что делает каждый предмет таким ценным. Она научила меня, что драгоценности — не просто товар; чтобы клиент что-то купил, у него должна возникнуть к вещи эмоциональная привязанность, намного превосходящая цифры на ценнике.

Ханна Оренстейн

Хелен ушла на покой и закрыла магазин, когда я училась в выпускном классе. Сказала, что уже слишком стара, чтобы вести дела, и я знала, что она права, но все равно расстроилась. Мне не хватало наших посиделок в магазине. Для меня то был решающий год; я подала заявления в несколько колледжей и изучала списки курсов, сочиняя себе в мечтах будущее. Тогда дали ростки первые зерна моих размышлений о том, чтобы открыть собственный ювелирный магазин. Восемь лет спустя на свет появились «Украшения Бруклина».

Дедушка с бабушкой завещали нам с Софи деньги. Мы вложили их в то, чтобы открыть магазин. В первый год любой малый бизнес проходит стадию пробейся-или-провались. Мы просто надеялись, что останемся на плаву. Мы никогда не рассчитывали на клиентов-знаменитостей или на то, что у нас будет столько подписчиков в Инстаграме (100 000, и постоянно прибывают). Я веду @brooklynjewels и как личный, и как профессиональный аккаунт — 90 % составляют фотографии украшений, к которым добавлено немножко личных фоточек. Софи никогда не хотела быть лицом фирмы, так что я с радостью взяла это на себя. Дела у нас идут настолько хорошо, что мы даже смогли себе позволить взять Джесс, нашего продавца-консультанта/завхоза/волшебницу на все руки. Она внучатая племянница Хелен. Когда ее уволили из ассистентов модного стилиста, мы позвали ее к себе, из уважения к Хелен.

В задней комнате магазина у нас мой кабинет и небольшая мастерская Софи. Мой любимый предмет в этой комнате — старое кожаное кресло Хелен, в него-то я и ва-

Любовь с первого лайка

люсь. Щедро наливаю себе выпить, потом снова открываю фотографию Фей с кольцом. По виду — камень старой европейской огранки на простом золотом ободке, небольшой, но неожиданно дорогой, поскольку так больше не гранят. Такие камни можно купить только у антикваров. Я пытаюсь увеличить фотографию, чтобы получше рассмотреть качество камня, но палец мой соскальзывает и случайно проезжает по сердечку. Твою мать. Я его лайкнула. Я лайкнула сообщение Фей о помолвке.

В такие отчаянные времена я люблю играть в одну игру. Я открываю один из сейфов TL-30 у дальней стены. (Без них в ювелирном бизнесе не дают страховку. Дверь сейфа толщиной двадцать сантиметров, он выдерживает полчаса непрерывного воздействия любым воровским инструментом, а когда опознает повреждение, подает сигнал в полицию.) Я выбираю кольцо с круглым бриллиантом в три карата, окруженным по бокам камнями помельче. Себе бы я такое не выбрала на настоящую помолвку (слишком шикарное, слишком тяжелое, слишком модное), но все равно надеваю его на левый безымянный палец.

Вот вам моя грязная тайна: когда иронию того, что я — одинокая девушка, продающая обручальные кольца, становится трудно выносить, я спускаю пар, сочиняя фальшивые объявления о помолвке. Снимаю кольца и снабжаю фоточки подписями вроде «Не могу дождаться, когда стану женой лучшего друга!» или «Ты не знаешь, сколько мне пришлось тебя ждать», — Стефани Мейер, «Сумерки», и ставлю кучу хэштегов вроде #помолвлена, #сказалада, #ждусвадьбы. Конечно, я это все не пошу; сохраняю в чер-

Ханна Оренстейн

новиках. Это как написать бывшему злое письмо, высказать все свои чувства, а потом порвать письмо в клочья.

Но мне нужен фон — в магазине как-то тухловато. Я распахиваю входную дверь, выхожу в мерцающую темноту. Вытягиваю вперед левую руку, а правой держу телефон. Дождь уже кончился, улица блестит. За моей рукой видна миленькая гирлянда. Фонари бросают на все райский отблеск. Идеально.

Я закрываю дверь и возвращаюсь в уютное кресло. Столько времени прошло, а от него все равно еле уловимо пахнет духами Хелен. Я отпиваю из стакана и открываю фотографию в Инстаграме. Подкручиваю контраст и насыщенность, пару секунд думаю над сиропной подписью: «Говорят, когда знаешь, то просто знаешь... а я знаю, что хочу всю жизнь провести с тобой». Добавляю рядок красных сердечек и тыкаю в экран, торжественно сохраняя пост в черновики.

Глупо, но то, что давило мне изнутри на глаза с тех пор, как я вышла из бара, немножко отпускает. Так нечестно: я провела три года после двадцатилетия в пародии на отношения, а следующие четыре совершенно одна. Нет, я не прокаженная. Просто веду бизнес, а это как-то не оставляет ни времени, ни сил, чтобы всерьез залипать в приложениях для знакомств. Когда я все-таки хожу на свидания, они или совсем не удаются, или не перерастают в настоящие отношения.

В лэптопе у меня есть вордовский файл, еще с колледжа, называется «Черная книжечка <3». В восемнадцать казалось, что это смешно. Это выстроенный по годам список всех парней, с которыми я ходила на свидания. Если мы спали, я выделяла его имя курсивом, если он

Любовь с первого лайка

мне нравился — то жирным шрифтом. Розовым выделено только одно имя: Холден. Это значит, что он на самом деле был моим парнем. Если долго смотреть на этот список, начинается депресняк, но я его пополняю, чтобы потом, в старости, замужем, листать и ностальгически вспоминать о приключениях юности.

Имен, выделенных розовым или жирным, там не было уже сто лет. Вместо этого среди последних свиданий у меня Тодд, инженер-стартапер, который пьет Сойлент вместо нормальной еды, потому что утверждает, что еда снижает его эффективность; Маркус, чувак, который трындел четыре часа, а потом написал, что не ощутил химии, потому что я «все время молчала»; и Зэкери, который после того, как мы заказали устриц на сорок долларов, сказал, что бережет себя до свадьбы.

А вот Холден, надо понимать, нашел человека, с которым хочет провести всю жизнь. Я его когда-то любила. Теперь это сложно вспомнить; прошло столько лет, что будто вспоминаешь смутные подробности фильма, который наполовину проспала. Думаю, у нас с Холденом все было по-настоящему, пока было. Но это не значит, что было хорошо, или правильно, или что это была такая любовь, которая должна длиться вечно.

Наверху уже не грохочет музыка. Я запираю кольцо обратно в сейф, плетусь в квартиру и падаю на кровать. Виски меня усыпляет.

Утро валится на меня, как тонна кирпичей. Я просыпаюсь рывком, не от жесткого света, льющегося в узкое окно, и не от горячего, липкого ощущения, что язык

Ханна Оренстейн

у меня приклеился к небу, но от того, что мой телефон вибрирует изо всех сил. Звонит Софи — а я не помню, когда она в последний раз брала телефон, чтобы кому-то позвонить. Мои мысли по порядку: кто умер? Мама, папа или кот Вафлик? Я тупая, раз из-за кота расстроюсь почти так же, как из-за человека?

— Софи? Ничего не случилось? — спрашиваю я. Голос у меня сонный.

— Что за хрень ты вчера запостила в Инстаграм? — рявкает Софи.

Я роюсь в памяти.

— Ничего я вчера в Инстаграм... — стойте. Черт. — Подожди секунду, ладно?

Я ее не вижу, но точно знаю, как она сейчас, наверное, высокомерно закатила глаза. Лив, наверное, хлопывает ее по коленке, как будто ее это может успокоить.

Я открываю Инстаграм и с ужасом вижу лавину уведомлений. Мою фотографию с кольцом лайкнули четырнадцать тысяч человек, то есть я ее, судя по всему, не сохранила в черновики, а запостила. Кошмар. Я проматываю пятьсот комментариев. Саша, старая подруга по колледжу, с которой мы несколько месяцев не виделись, написала: «Боже, ЧТО?!» Рейчел, девушка, с которой мы познакомились, когда стояли пьяные в очереди в женский туалет в баре три года назад и с тех пор не виделись, написала: «Плачу! Как прекрасно!» Кейт, кузина, с которой мы видимся пару раз в год, написала: «Не знала, что ты с кем-то встречаешься». Холден оставил коммент: «Просто прекрасная новость». Остальное — вариации на тему «Поздравляю!» и «Так за тебя рада!». Есть коммента-

Любовь с первого лайка

рии от подписчиков, чьи имена мне знакомы, но большинство от совершенно незнакомых людей. И, как будто это само по себе недостаточно дико, похоже, на наш аккаунт за ночь подписалось больше тысячи человек. Телефон горячий на ощупь, словно вся эта движуха раскалила нежное устройство.

Я сажусь в постели, приваливаюсь к горе подушек. Сердце мое колотится о ребра.

— Слушай, Софи, я поняла, что случилось... — Я рассказываю ей про свидание, про помолвку Холдена, про свою дурацкую привычку спускать пар в Инстаграме. Деталь про виски я опускаю.

— Мама с папой с ума сойдут, — говорит она. — Кейт, наверное, уже послала скриншот тете Линде, а та, наверное, уже позвонила маме.

Я проверяю уведомления в телефоне, их выше крыши. Разумеется, под сообщениями с кучей эмодзи, лавиной инстаграмных лайков и письмом от Хелен погребены три пропущенных звонка от родителей. А еще даже восьми утра нет.

— Ты ведь сейчас удалишь фотографию? — спрашивает Софи.

Ясно, что она на самом деле не вопрос задает. Потому что Софи меня на пять лет старше и убеждена, что во всем права.

— Я тебе перезвоню, — отвечаю я и отключаюсь, прежде чем она начнет возражать.

Я плююсь в телефон, проматываю бесконечный поток похвал. Поразительно, сколько народу считает, что я на самом деле помолвлена, и более того, удивительно, как